

83.3(2Рос-РУС)

28644 Р89

РУССКАЯ
КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
о произведенияхъ
Л. Н. ТОЛСТОГО.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-
БИБЛIOГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

СТАТЬИ ПЕДАГОГИЧЕСКИЯ.

Часть седьмая.

СОБРАЛЬ

В. Зелинский.

издание второе.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

1906.

МУК «Тульская
библиотечная система»

Оглавлениe

седьмой части „Русской критической литературы о произведеніяхъ Л. Н. Толстого“.

Критика семидесятыхъ годовъ	1
Статьи педагогическія	"

Азбука графа Л. Н. Толстого.

Критические разборы:

Статья П. Полевого, изъ „Слб. Вѣдомостей“ 1872 г.	1
— Изъ „Недѣли“ 1872 г.	11
— А. Николича, изъ „Семьи и Школы“ 1872 г.	14
— Изъ „Дѣтскаго Сада“ 1873 г. Статья К. Л.	27
— „Вѣстника Европы“ 1873 г.	30
— „Гражданина“ 1873 г.	39
— О. „Резенера“, изъ „Народной Школы“ 1873 г.	42
— Изъ „Современности“ 1873 г.	50
Письмо гр. Л. Н. Толстого къ издателямъ „Московскихъ Вѣдомостей“	66
Статья изъ „Народной Школы“ за 1873 г. по поводу письма гр. Л. Н. Толстого въ редакцію газеты „Голосъ“	67

„О народномъ образованіи“.

Критическая статья:

Н. Бунакова. Письмо къ редактору „Семьи и Школы“ по поводу статьи гр. Л. Толстого „О народномъ образованіи“. Изъ „Семьи и Школы“ 1874 г.	70
Статья В. Г. Авсѣнка, изъ „Русскаго Mира“ 1874 г.	78
— Изъ „Недѣли“ 1874 г.	87
— П. Семенюты, изъ „Одесскаго Вѣстника“ 1874 г.	97
— Изъ „Семьи и Школы“ 1874 г. Статья Ч. М. К. Г.	101

Статья С. Т. Герцъ-Виноградского, изъ „Одесского Вѣстника“ 1874 г.....	111
— Изъ „Кievskago Tелеграфа“ 1874 г.....	112
— „Русскихъ Вѣдомостей“ 1874 г. Статья №...	119
— Н. Страхова, изъ „Гражданина“ 1874 г.....	124
— Изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1874 г. Статья А.	141
— „Новаго Времени“ 1875 г. Статья Народнаго учителя.....	142
— Изъ „Недѣли“ 1875 г.....	164
— А. Скабичевскаго, изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ 1875 г.....	172
— Изъ „Педагогическаго Листка“ 1875 г.....	184
— А. Скабичевскаго, изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ 1875 г.....	190
— Изъ „Недѣли“ 1875 г.....	205

Новая азбука гр. Л. Н. Толстого.

Критические разборы:

Изъ „Грамотея“ 1875 г. Статья Русскаго.....	215
„Московскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостей“ 1875 г.....	220
„Голоса“ 1875 г.....	226
Статья Н. Островской, изъ „Учебно-воспитательной Библиотеки“ 1875 г	235

„Русские писатели какъ воспитательно-образовательный материалъ для занятій съ дѣтьми“.

Статья Виктора Острогорскаго, изъ „Педагогическаго“ Листка“ 1875 г.....	251
Алфавитный указатель.....	V.

Указатель страницъ, на которыхъ упоминаются имена и предметы, относящіеся къ литературѣ.

- Авсѣнко, В. Г. 78, 86.
Азбука графа Л. Н. Толстого. 1—69.
Азбука (новая) Л. Н. Толстого. 215—251.
Аксаковъ. 38.
«Аксеновъ». 38.
«Акула». 10, 37.
«Альбертъ». 251.
Аракчеевъ. 162.
Базедовъ. 56.
Беккарій. 202.
Бенеке. 98.
«Бесѣда». 1, 9.
«Бібліографія» (название статьи). 112.
«Бібліографическія Замѣтки». 141.
«Биржевые Вѣдомости». 172, 190.
Блиновъ, священникъ. 73.
Бобровская. 205, 206, 208, 209, 210, 215.
«Бова-королевичъ». 165, 185.
«Богачъ и Бѣднякъ». 250.
«Богъ правду видить, да не
- скоро скажетъ». 9, 25, 47
62, 64.
Бокль. 166.
«Булька». 38, 49.
Бунаковъ, Н. О. 70, 78, 82, 83, 84, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 94, 97, 100, 104, 108, 114, 116, 166, 167, 171, 172, 177, 180, 205, 213, 216, 231, 232.
Буслаевъ. 35.
«Бухарцы», разсказъ. 34.
Бэконъ. 209, 210.
Бѣлинский. 187.
«Бѣшеная Собака», разсказъ. 49.
Водовозовъ. 31, 61, 144, 166, 167, 169, 170.
«Война и Миръ». 1, 9, 26, 67, 70, 71, 111, 123, 142, 166, 186, 251, 258, 260, 262, 265.
«Воробы, зайцы и волки», очеркъ. 9.
«Встрѣча». 251.
«Вѣстникъ Европы». 30, 39.

- «Вѣсть». 70.
Ганнибалъ. 91.
Гебель. 2.
Генчель. 64.
Гербартъ. 98.
Геродотъ. 2, 5, 25, 60.
Герцъ-Виноградскій, С. Т. 111, 112.
Главинскій, свящ. 238.
Гоголь. 38.
«Голосъ». 67, 69, 226, 235.
«Гражданинъ». 39, 42, 124, 185.
Гразеръ. 167.
«Грамотей». 215, 220.
«Графъ Толстой и начальная школа», статья. 142.
«Графъ Толстой какъ педагогъ и его новая азбука». 226.
«Графъ Толстой о грамотности». 119.
«Городская и полевая мышь», разсказъ. 250.
Горчаковъ, князь. 90.
Готье. 38.
Грубе. 64, 65, 108.
Гумбольдтъ. 166.
Гюго, В. 2.
Даль. 2, 76.
Давидъ. 35.
Даненбергъ. 90.
«Два Гусара». 251.
Дезулье. 38.
Дистервегъ. 64, 89, 171, 184, 201, 203.
Добролюбовъ. 187.
«Дурень». 34.
«Дѣвочка и Грибы». 10, 46.
«Дѣло», журн. 172, 175, 177, 194, 196.
«Дѣтство и Отрочество». 9, 16, 67, 141, 142, 252, 254.
«Дѣтскій Миръ», Ушинскаго. 15, 61, 76.
«Дѣтскій Садъ». 27, 30.
«Дѣтское Чтеніе». 251.
Дюма. 204.
Евтушевскій. 65, 71, 83, 84, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 94, 97, 102, 108, 132, 133, 134, 135, 144, 148, 166, 171, 172, 177, 180, 185, 186, 188, 205, 207, 209, 210, 211, 212, 215, 216, 231, 232.
«Ежъ и Ужъ», басня. 250.
Езонъ. 2, 8, 36, 37, 46, 60, 62.
Ермакъ. 5, 47, 61.
«Ерусланъ Лазаревичъ». 165.
«Еще одно послѣднее сказаніе», статья. 184.
Жакото. 167, 237.
«Замѣтки народнаго учителя». 142.
«Замѣтки провинціального философа». 164.
«Записки Маркера». 251.
«Заря», журналъ. 1, 9.
Золотовъ. 237.
«Кавказскій Плѣнникъ». 9, 37, 38, 47, 64.
«Казаки». 142, 262, 263.
Камбизъ. 5, 47.
«Камбизъ и Псаметихъ». 37.
Кантъ. 82.

- «Какъ волки учать дѣтей своихъ». 9.
- «Какъ я выучился верхомъ ъздить». 9, 25.
- «Какъ меня не взяли въ го-
родъ». 46.
- «Какъ я пересталъ бояться
слѣпыхъ нищихъ». 47.
- «Какъ гуси Римъ спасли». 37,
61.
- «Кievskій Телеграфъ». 112,
119.
- «Книга для чтенія», Пауль-
сона. 15.
- «Книга для первоначального
чтенія въ народной школѣ»,
Водовозова. 15.
- Кольцовъ. 30, 61, 62, 76.
- Коменскій, Амосъ. 99, 209,
210.
- Контъ, Огюстъ. 171.
- «Корова». 144, 218.
- Королевъ. 111, 139.
- «Косарь». 76.
- «Космосъ». 166.
- Корфъ, бар. 15, 31, 55, 72,
73, 153.
- Кранке. 64.
- «Красная Шапочка». 250.
- Крестовскій, В. (псевдонимъ).
257.
- Крыловъ. 46, 61, 62, 177,
196.
- «Куда дѣвается туманъ изъ
моря». 48.
- Куртманъ. 55.
- Лермонтовъ. 30, 61, 204.
- «Лисица», разск. 77.
- «Лисица и Журавль», басня.
250.
- «Лисица и Тетеревъ», басня.
250, 251.
- «Лисій Хвостъ». 64.
- «Литературный Портретъ»,
очеркъ Суворина. 188.
- Локкъ. 98, 210.
- «Люцернъ». 267.
- Марковъ, Евг. 190, 191, 192,
194, 195, 196, 197, 198,
200, 201, 204.
- Марко-Вовчокъ. 38.
- «Метель». 142, 254.
- «Методика», Евтушевскаго.
50.
- «Мильтонъ». 49.
- Милль. 189, 209, 210.
- Миропольскій, С. И. 63, 213.
- Микѣшинъ. 91.
- Мольтке. 91.
- Монтанъ. 210.
- «Море». 48.
- Морозовъ. 78, 91, 113, 114.
- «Московскія Вѣдомости». 66,
67, 141, 142.
- «Московскій Комитетъ грамот-
ности». 67, 113, 120, 188,
215.
- «Московскія Епархіальныя Вѣ-
домости». 220, 226.
- «Мысли о войнѣ 12-го года». 142.
- «Мысли по поводу текущей
литературы». 172, 190.
- Мѣдниковъ. 205, 206, 209,
210, 212.
- «Набѣгъ». 262, 263.

- «Народъ учить или у народа учиться». 172, 175, 194.
- «Народная Школа». 42, 67, 69, 205, 206, 209, 213.
- «Наша научно-педагогическая критика». 205.
- «Нашъ Другъ». 153.
- Наполеонъ III. 90, 91.
- «Недѣля». 11, 14, 27, 164, 171, 205, 215.
- Николай Мирликійскій. 35.
- Николичъ, А. 14, 27.
- Никольскій, свящ. 240.
- «Новое Время». 142, 164.
- «Новѣйшая россійская азбука». 52.
- «Новыя идеи въ нашей школѣ». 190.
- «Нѣмецкая педагогія на русской почвѣ». 206.
- «Обученіе грамотѣ по звуко-вому способу». 71, 75.
- «О гальванизмѣ». 49.
- «Одесскій Вѣстникъ». 97, 111.
- «О мужикѣ и охотнику». 116.
- «О народномъ образованіи». 70—215, 240, 244, 249.
- «Орелъ и Вороненокъ», басня. 250.
- «Орѣховая Вѣтка», сказка. 250.
- «Основаніе Рима». 37.
- Острогорскій, Викторъ. 251, 268.
- Островская, Н. 235, 251.
- «Отвѣтъ», статья Евтушев-скаго. 205.
- «О теплотѣ». 49.
- «Отечественные Записки». 70,
- 75, 78, 97, 101, 103, 104, 107, 108, 109, 111, 112, 113, 124, 133, 147, 154, 183, 216, 227.
- «Охота пуще не воли», раз-сказъ. 9, 25, 47, 64.
- «Очерки текущей литературы». 78.
- Паульсонъ. 61, 63, 65, 167, 172, 183, 184.
- «Педагогический Листокъ». 184, 185, 190, 206, 251.
- Песталоцци. 64, 86, 74, 89, 98, 99, 100, 171, 184, 209, 229.
- Петръ Великій. 37, 47.
- Петръ въ Онежскомъ краѣ». 37.
- Пироговъ. 187.
- «Письма Пріятеля». 189.
- Платонъ. 82.
- Плутархъ. 2, 5, 25, 60.
- «Подкидыши». 47.
- «Пожаръ». 47.
- Полевой. 1, 11
- Полежаевъ. 39..
- «Поликратъ», разсказъ. 37, 47, 61.
- «Поликушка». 142, 266, 267.
- Поль-де-Кокъ. 204.
- «Прогрессъ и опредѣленіе об-разованія». 228.
- «Происхожденіе идей графа Л. Н. Толстого о народ-номъ образованіи». 101.
- «Пророкъ», Лерм. 204.
- Протопоповъ. 77, 78, 81, 113, 114, 115.

- «Прыжокъ», разск. 10.
 Псаметихъ. 5.
 «Птичка». 218, 219.
 Пушкинъ. 39, 40, 61, 62.
 «Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ». 250.
 Резенеръ, Ф. Ф. 42, 49.
 «Родной Языкъ», Бунакова. 71, 74, 75, 213.
 «Родное Слово», Ушинск. 63, 73, 76, 111, 220, 231.
 «Рубка Лѣса». 262, 268.
 «Руководство для учителей». 232.
 «Руководство къ русской аз-
     буке», Водовозова. 167.
 «Русская начальная школа». 55, 72.
 «Русские писатели какъ воспи-
     тательно - образовательный
     материалъ». 251.
 «Русский Солдатъ». 259.
 «Русский Вѣстникъ». 190.
 «Русскія Вѣдомости». 119, 123.
 «Русскій Миръ». 78, 86, 93,
     94.
 Руссо. 90, 191, 192, 209.
 Рѣшетниковъ. 38.
 «Самокрутка». 9.
 «С.-Петербургскія Вѣдомо-
     сти». 1, 112.
 «Святогоръ», разскать. 37.
 «Севастопольскіе разскѣзы». 9,
     264.
 «Севастополь въ августѣ
     1855 г.» 262.
 «Севастополь въ декабрѣ и
     маѣ 1854 г.» 262, 264.
- «Севастополь». 37, 264.
 «Семейное Счастье». 255.
 Семеновъ. 15.
 Семенюта, П. 97, 101.
 «Семья и Школа». 14, 70,
     101, 111, 205, 212, 216.
 Скабичевскій, А. 172, 184,
     190, 204.
 «Слонъ». 34.
 «Современность». 50, 65.
 «Солдатское Житье», разскѣзъ.
     38, 47.
 Спенсеръ. 98, 99, 210.
 Стефани. 54.
 Столпянскій. 31.
 Страховъ, Н. 124, 141.
 «Судома», разскѣзъ. 47.
 «Суженаго и конемъ не объ-
     ѣдешь». 26.
 Тацитъ. 131.
 Тихомировъ, Д. И. 108, 205,
     207, 209, 210, 212, 213,
     215, 216.
 «Толковый Словарь», Даля. 76.
 «Три Смерти». 142, 267.
 Тургеневъ. 38.
 «Тысяча и одна ночь». 10.
 Тэнъ. 210.
 «Ужъ», разскѣзъ. 25.
 Успенскій. 38.
 «Утро помѣщика». 266.
 «Учебно-воспитательная би-
     бліотека». 235.
 «Учитель». 63.
 Ушинскій. 31, 61, 76, 111,
     165, 166, 167, 171, 183,
     184, 209, 210, 213, 220,
     231, 232, 235.

»Филипокъ», рассказъ. 218.	Шатиловъ, И. Н. 80, 81, 107, 113.
Фогель. 167.	«Шелковичный Червь». 64.
Форстеръ, Георгъ. 166.	Шельдонъ. 148.
Фребель. 192, 201, 203.	«Эскимосы», рассказъ. 34, 49,
«Хроника села Смурина». 111.	Эвклидъ. 141.
Цезарь. 131.	Юлій Цезарь. 91.
Цвѣтковъ. 190, 191, 192, 196, 201.	«Юность». 251, 254.
«Чему быть, тому не мино- вать». 26.	«Ясная Поляна». 11, 27, 28, 39, 80, 114, 123, 126, 183, 191, 192, 198, 199, 200, 228.
«Черемуха», рассказъ. 9.	
«Чтеніе для дѣтей». 225.	

„КРИТИКА СЕМИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ“.

Статьи педагогическая.

Азбука Л. Н. Толстого. Четыре тома.

Спб. 1872 г., in 8°.

*) Года полтора тому назадъ впервые пронесся слухъ о томъ, что извѣстный и всѣми уважаемый авторъ «Войны и Мира» — графъ Л. Н. Толстой — приготовляеть къ печати азбуку. Слухъ былъ въ такой степени неопредѣленнымъ, что оставалось даже вовсе неизвѣстнымъ, какого именно рода азбуку собирается издать въ свѣтъ нашъ блестящій романистъ, и большинство почитателей его таланта совершенно справедливо могло ожидать отъ графа Л. Толстого, что онъ подарить русскую школу такимъ вкладомъ, который будетъ достоинъ его славы. Притомъ же всѣ старались привести себѣ на память прежнюю педагогическую дѣятельность графа Л. Толстого, припоминая, конечно, однѣ свѣтлѣя стороны ея и совершенно упущая изъ виду тѣ заблужденія, за которыя такъ горячо ратовалъ когда-то авторъ «Войны и Мира» въ своеемъ замѣчательномъ педагогическомъ журналь. Во второй половинѣ нынѣшняго года явились, сначала въ «Зарѣ», а потомъ въ «Бесѣдѣ» два небольшіе разсказца графа Л. Толстого, подъ которыми въ выносѣ замѣчено было, что эти разсказы составляютъ только частицу богатаго литературнаго запаса повѣстей, басенъ и сказокъ, которыя будуть помѣщены при азбукѣ графа Л. Толстого. «Значить при азбукѣ будетъ и книга для первоначального чтенія въ школѣ! Книга для чтенія, составленная гр. Л. Толстымъ, который такъ хорошо изучилъ и такъ тонко понимаетъ русскую народность! Да это просто кладъ, а не книга!» — вотъ что слышалось въ обще-

*) „Спб. Вѣдомости“ 1872 г., № 330. Азбука графа Л. Н. Толстого
Статья П. Полевого.

ствѣ. Объявленія объ азбукѣ гр. Л. Толстого, появившіяся недѣли три тому назадъ въ газетахъ, возвѣщавшія скорый выходъ ея въ свѣтъ и притомъ довольно подробно излагавшія содержаніе нетерпѣливо ожидаемой книжки, еще болѣе способствовали возбужденію любопытства. Изъ объявленій видно было, что въ составѣ статей для чтенія, приложенныхъ къ азбукѣ, должны войти и басни Эзопа, и разсказы, заимствованные граffомъ Л. Толстымъ изъ Геродота и Плутарха, и русскія былины, изложенныя правильнымъ стихомъ, и цѣлый рядъ отрывковъ, изъ лѣтописи, житій, Библіи и Евангелія, для упражненія въ церковнославянскомъ чтеніи, и много, много мелкихъ и крупныхъ рассказовъ, или вполнѣ оригиналныхъ, или передѣланыхъ граffомъ Л. Толстымъ изъ Гебеля, В. Гюго, Даля и т. п.

Наконецъ, на дняхъ азбука графа Л. Толстого явилась въ продажѣ. Первое впечатлѣніе, произведенное внѣшностью азбуки, было не въ пользу ея: сѣрая бумага, крупная, но слѣпая и блѣдная печать, и, безъ всякаго преувеличенія, безобразныя виньетки (всего 27), помѣщенные въ видѣ поясненія при алфавитѣ—все это не согласовалось съ весьма почтенною цѣнной азбуки (2 руб.). Притомъ же крупно-напечатанныя четыре книжки, составляющія азбуку графа Л. Толстого, оказались далеко не въ такой степени богаты мѣріаломъ для чтенія, какъ оно бы казалось, судя по объему всей азбуки (около 45-ти печатныхъ листовъ); болѣе трети въ каждой изъ четырехъ книжекъ занято *отдѣломъ счета*, листа два или три отведены славянскимъ текстамъ, и, слѣдовательно, немногого болѣе половины каждой книжки посвящено собственно мѣріалу для чтенія и бесѣдѣть съ ученикомъ.

Но прежде, чѣмъ мы обратимся къ разбору этого мѣріала, мы невольно задаемся весьма естественнымъ вопросомъ: для кого написалъ графъ Л. Толстой свою азбуку? кого разумѣеть онъ подъ названіемъ ученика? Рѣшить этотъ простой вопросъ оказывается совершенно невозможнымъ, потому что авторъ «азбуки» не снабдилъ свою книгу

никакимъ предисловіемъ, а въ тѣхъ краткихъ наставленияхъ для учителя, которые приложены къ отдѣльнымъ частямъ азбуки, ни однимъ словомъ не поясняется цѣль, руководившая авторомъ при изданіи азбуки, а также не указывается и среда, для которой графъ Л. Толстой предназначаетъ свою книгу. Это умолчаніе тѣмъ болѣе странно, что въ тѣхъ же наставленихъ для учителя встрѣчается очень много лишняго, и очень много такого, что, конечно, должно будетъ крайне поразить нашихъ педагоговъ.

Прежде всего, отвергая значеніе звуковой методы, графъ Л. Толстой предписываетъ учителю слѣдовать особой методѣ, преимущества которой остаются для насъ совершенно темными: «Пишите мѣломъ на доскѣ»—говорить учителю графъ Л. Толстой—«или вѣшайте на стѣнѣ изображенія буквъ въ самыхъ большихъ размѣрахъ, такія, въ которыхъ была бы удержанна только сущность фигуры каждой буквы»..., «называйте согласныя буквы, всѣ безъ исключенія, ихъ звукомъ съ присоединеніемъ гласной *e*, т. е. *be, ie, re, fe, me, ne*, и т. д.»... «Послѣ того, какъ ученики стали узнавать изображенія буквъ и называть ихъ, заставляйте ихъ писать буквы;... при писаныи, *избѣгайте требованія правильности изображенія (буквъ)*, зависящей отъ руки, а не отъ головы ребенка. *Памятливый ученикъ выучитъ этимъ способомъ всѣ буквы въ одинъ урокъ* (!) (Стр. 167—168 перв. части). Немного далѣе, графъ Толстой съ такою же замѣчательною легкостью говорить и объ изученіи складовъ, опять таки побравивъ новые способы обученія чтенію: «Простѣйшій способъ заучиванья (складовъ) слѣдующій: заставьте ученика на слухъ, безъ книги складывать слоги, оканчивающіеся гласною; говорите *be, re, a—бра; de, re, у—дру*; и т. д. и заставляйте его повторять за собою... Почти всякий разъ, *послѣ десяти такихъ повторенныхъ за учителемъ «на слухъ» складовъ, ученикъ уже начинаетъ самъ складывать*. Вы говорите ему *ne, ре, о*—и онъ прямо отвѣчаетъ *про*» (стр. 169). Какимъ чудомъ достигаетъ такихъ блестящихъ результатовъ графъ Толстой?—это остается для насъ тайною.

Послѣ того, какъ ученикъ ознакомится со складами и прочтеть первыя 6 страницъ упражненій въ чтеніи (преимущественно пословицы, загадки и краткія отдѣльныя предложения), графъ Л. Толстой предлагаетъ упражнять его «въ разсказѣ и сочиненіяхъ» (стр. 173). «Необходимо» — говорить онъ — «одновременно съ чтеніемъ, упражнять ученика въ писаніи сочиненій изъ головы на заданную тему (лучше всего задавать описанія занимательныхъ событий, которыхъ ученикъ былъ свидѣтелемъ) и въ передачѣ письменно того, что прочелъ». Не забудьте, что все это требуется отъ ученика, недавно ознакомившагося съ очертаніемъ буквъ и не безъ труда прочитавшаго 60 крупно отпечатанныхъ страницъ, на которыхъ, для большаго удобства, слова напечатаны съ раздѣленіемъ на слоги; а между тѣмъ не только сочиненіе на произвольную тему, но и письменное изложеніе прочтеннаго даже для гимназиста 3-го и 4-го класса представляется нелегкою задачею! Но всѣ эти чудеса еще не въ такой степени удивляютъ насъ, въ какой способны удивить каждого «общія замѣчанія для учителя», приложенные графомъ Л. Толстымъ къ первому выпуску его азбуки (стр. 180 — 181). Здѣсь онъ старается опредѣлить тѣ условія, при которыхъ ученіе должно итти наиболѣе усиленно. «Для этого нужно» — замѣчаетъ авторъ «Азбуки»: 1) чтобы то, чему учать ученика, было понятно и занимательно, и 2) чтобы душевныя силы его были въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ». Какъ же этого достигнуть? Очень просто, напр., вотъ какъ: «по исторіи и географіи избѣгайте общихъ обзоровъ земель и историческихъ событий... Ученику не могутъ быть занимательны эти обзоры, когда онъ не вѣритъ еще хорошенько въ существованіе чего нибудь за видимымъ горизонтомъ, а о государствѣ, власти, войнѣ и законѣ, составляющихъ предметъ исторіи, не можетъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія». А для того, чтобы онъ поскорѣе пріобрѣлъ эти понятія: «избѣгайте» — продолжаетъ графъ Л. Толстой — «сообщенія ученику объясненія (столь любимою въ педагогии) солнечной системы и вращенія и обращенія земли. Для

ученика, ничего не знающаго о видимомъ движениі небеснаго свода, солнца, луны, планетъ, и т. п. толкованіе о томъ, что земля вертится и бѣгаеть (?), не есть развязка вопроса и объясненіе, а есть *безъ всякой необходимости навязываемая безсмыслица* (!). Ученикъ, полагающій, что земля стоитъ на водѣ и рыбахъ, судить гораздо здравѣе, чѣмъ тотъ, который вѣрить, что земля вертится, и не умѣеть этого понять и объяснить» (стр. 181). Далѣе этого кажется нельзя итти! Этихъ выписокъ болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы ознакомить читателя съ педагогическими взглядами и приемами графа Л. Толстого; а потому мы перейдемъ уже прямо къ разсмотрѣнію материала, собраннаго имъ для чтенія и бѣсѣдъ учителя съ учениками въ четырехъ книжкахъ «Азбуки».

Весь этотъ материалъ подраздѣляется совершенно правильно на три главныя группы: 1) статьи историческаго содержанія; 2) басни, сказки, описанія, разсказы, новѣсти; 3) изложенія научныхъ свѣдѣній изъ области естествовѣданія. Первый отдѣлъ, если даже причислить къ нему и пять былинъ, изложенныхъ графомъ Толстымъ, и всѣ отрывки изъ Несторовой лѣтописи, все же окажется очень бѣднымъ, сравнительно со вторымъ и третьимъ отдѣлами. Разсказовъ историческаго содержанія едва-ли наберется десятка два, и притомъ всѣ они разбросаны въ четырехъ книгахъ азбуки безъ всякой видимой связи или системы: живой и оригинальный разсказъ о Ермакѣ стоитъ рядомъ съ разсказомъ Геродота о Псаметихѣ и Камбизѣ, а тотъ-часть вслѣдъ за этими рассказами помѣщены мелкие охотничьи очерки изъ жизни животныхъ (часть II, отд. IV); точно также и Плутарховы разсказы объ основаніи Рима и спасеніи Рима гусями являются между весьма пространною исторіею о собакѣ Булькѣ и разсказомъ о купцѣ, несправедливо сосланномъ въ Сибирь. Вообще замѣтно только одно въ выборѣ всѣхъ статей историческихъ: графъ Л. Толстой положительно избѣгалъ всего *исторического* въ настоящемъ смыслѣ слова, а потому помѣстилъ въ своей книгѣ только сказочки, имѣющія нѣкоторый исторический обликъ. Точно также и въ выборѣ разсказовъ изъ Нестора онъ

ограничился именно такимъ періодомъ, который болѣе всего носить на себѣ отпечатокъ сказочный, и въ четвертомъ выпускѣ своей азбуки заканчиваетъ кругъ исторического чтенія учениковъ отрывками о крещеніи Россіи и о добрыхъ дѣлахъ Владимира, а между тѣмъ въ I выпускѣ на цѣлыхъ 13 страницахъ передаетъ ученикамъ разсказы Нестора о раздѣленіи земли послѣ потопа между сыновьями Ноевыми, о построеніи Вавилонской башни, о происхожденіи славянъ отъ племени Іафетова и т. п.

Третій отдѣль—собственно изложеніе научныхъ свѣдѣній изъ области естествовѣдѣнія — значительно болѣе отдѣла исторического, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляеть собою явленіе до такой степени оригинальное и странное, что мы даже не можемъ себѣ представить, для какого класса учениковъ предназначень графомъ Л. Толстымъ весь запасъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній? Всѣ статьи изложены съ той точки зрѣнія, что природа устроена на пользу человѣка и представляеть собою не болѣе, какъ обширное хозяйство, въ которомъ разныя части и силы всегда готовы на службу нашимъ интересамъ, хотя почему то и подраздѣляются на *полезныя и вредныя*. При этомъ странномъ, хозяйственномъ взглѣдѣ на природу, графъ Л. Толстой, сверхъ того, старается не нарушать ни однимъ словомъ того ложнаго міросозерцанія, которое складывается въ головѣ каждого ребенка, да еще пытается говорить съ нимъ о разныхъ очень сложныхъ и мудреныхъ явленіяхъ языкомъ доступнымъ и простымъ. Изъ всѣхъ этихъ теоретическихъ стремленій на практикѣ выходятъ очень крупная путаница, неточности и обмолвки, и—что всего хуже — рядъ статей, не имѣющихъ положительно никакого значенія ни для одного ребенка. Вотъ, напримѣръ, что говорится о движеніи воды, въ статьѣ „*Куда дѣвается вода изъ моря?*“ «Всѣ рѣки текутъ въ моря» — замѣчаетъ графъ Л. Толстой — «съ тѣхъ поръ какъ міръ сътворенъ Отчего же она не течетъ чрезъ край? Вода изъ моря поднимается туманомъ, туманъ поднимается выше (?), и изъ тумана дѣлаются тучи. Тучи гонить вѣтромъ и разносить по землю. Изъ тучъ вода па-

даетъ на землю», и т. д. (I, стр. 89). Совершенно равносильно этой статьѣ является другая, подъ заглавіемъ «Для чего вѣтеръ?»—въ которой авторъ пресерьезно передаетъ ученикамъ, что «если-бъ не было вѣтра, нельзя было бы носить змѣя (II, стр. 67), «если-бъ не было вѣтра, нельзя было бы плавать съ парусомъ» (стр. 68), и т. д. Немного далѣе встрѣчаемъ и слѣдующія популярныя объясненія силы магнита и значенія его полюсовъ: „Изъ себя магнитъ похожъ на желѣзо»... «Если магнитную палочку разрубить пополамъ, то каждая половинка будетъ съ одной стороны цѣпляться, а съ другой отворачиваться, какъ будто съ одного конца магнитъ выширается, а съ другого втягивается. Всегда равно, какъ еловую шишку, гдѣ ни разломи, все будетъ съ, одного конца пупомъ, а съ другою—чашечкой. Съ того ли съ другого ли конца—чашечка съ пупомъ сойдетъ, а пупъ съ пупомъ и чашечка съ чашечкой не сойдутъ“ (II, 73). «Пока не знали магнита, не плавали по морямъ вдалъ отъ берега; когда узнали магнитъ, то сдѣлали иголку магнитную на шпенькѣ, чтобы она вольно ходила. По этой иголкѣ и стали узнавать, въ какую сторону плыть» (стр. 74). Какъ-объ этомъ стали узнавать? Какое значеніе можетъ имѣть разсказъ о компасѣ для ученика, убѣжденнаго въ томъ что земля поконится на рыбахъ и что все совершаются на пользу человѣка — этого вопроса графъ Л. Толстой не касается и, повидимому, не задаетъ себѣ вовсе. Подобныя же популярныя объясненія различныхъ силъ и явлений природы встречаются и въ III и въ IV вып. азбуки графа Толстого, съ тою, однакоже, разницей, что въ иныхъ статьяхъ, избѣгая всякой терминологии, по системѣ, онъ посвящаетъ строкъ десять различныхъ весьма темныхъ изѣясненій на истолкованіе одного термина, а потомъ вдругъ, ни съ того ни съ другого, употребляетъ слова *изз*, *галванизмъ*, *электричество*, безъ всякаго предварительного объясненія, со-поставленія примѣровъ или приготовленія ученика. Пересматривая внимательно всю книгу графа Л. Толстого, каждый, конечно, подумаетъ, что ужъ лучше было-бы послѣдовательно и просто разсказать ученикамъ объ устройствѣ

земли, ея движениі и мѣстѣ въ природѣ, нежели на многихъ страницахъ сообщать популярную путаницу о кристаллахъ, сиѣгѣ, росѣ, газахъ и т. д.

Переходя къ наибольшему изъ всѣхъ трехъ отдельовъ — къ баснямъ, сказкамъ, описаніямъ и разсказамъ — мы и здѣсь, противъ всякаго ожиданія, встрѣчаемся прежде всего съ необходимостью разрѣшить себѣ вопросъ, для кого же все это писано? Къ этому вынуждаетъ насъ отчасти странность выбора сюжетовъ, между которыми дано огромное преобладаніе Эзоповой баснѣ и притчамъ, заимствованнымъ изъ индѣйского эпоса; но еще болѣе побуждаетъ къ предложенію этого вопроса языкъ, которымъ графъ Толстой старается излагать весь этотъ матеріалъ для чтенія. Дѣло въ томъ, что если «Азбука» предназначается для всѣхъ, то зачѣмъ же графъ Л. Толстой усиливается все излагать какимъ-то страннымъ орловско-калужскимъ нарѣчіемъ, полнымъ провинціализмовъ и особенностей, которыя ни съ какой стороны не могутъ принести пользы ребенку? Если же «Азбука» предназначена для народныхъ школъ (хотя и трудно представить себѣ народную азбуку въ 2 р. сер.), то орловско-калужское нарѣчіе и провинціализмы изложенія оказываются еще болѣе излишними: ихъ не пойметъ ни архангельский мужикъ ни ученикъ народной школы въ Вологодской, Тверской, Пензенской и другихъ губерніяхъ. А между тѣмъ никакъ нельзя отрицать въ изложеніи азбуки графа Л. Толстого именно такого, совершенно искусственнаго, дѣланнаго языка, въ которомъ часто и самая обыденная выраженія являются почему-то замѣненными другимъ, новымъ, областнымъ реченіемъ. Напр., «хорѣкъ сталъ лизать подпилокъ и *погубилъ* весь языкъ» (I, 61); «царевна научила бухарцевъ водить червей (шелковичныхъ)» (I, 93); «вокругъ меня лежали *оскрѣтки* дуба (разбитаго грозой)» (I, 79); «онъ успѣлъ за камень *притулиться*» (IV, 46),» и т. д. Намъ кажется, что народная азбука менѣе всего можетъ нуждаться въ такомъ дѣланномъ языкѣ, который къ тому же противорѣчитъ и самой теоріи графа Л. Толстого, справедливо замѣчающаго учителю: «не говорите

ученику о томъ, что онъ знаетъ не хуже, а иногда и лучше учителя» (I, 180).

Изъ всѣхъ разсказовъ и изложеній, помѣщенныхъ въ «Азбукѣ» гр. Л. Н. Толстого выдѣляются по своимъ литературнымъ достоинствамъ только три разсказа: «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ» (уже извѣстный публикѣ, такъ какъ онъ былъ напечатанъ въ «Бесѣдѣ»); «Кавказскій Плѣнникъ» (также уже напечатанный въ «Зарѣ») и «Охота пуще неволи»—простой разсказъ объ охотѣ на медвѣдя, изложенный превосходно, доведенный до поразительной, почти эпической простоты и красоты изложения. Только *три* разсказа во всѣхъ четырехъ выпускахъ «Азбуки», которые могутъ быть названы достойными пера, написавшаго «Дѣтство и Отрочество», «Войну и Миръ» и «Севастопольскіе Рассказы»! Изъ остальной массы материала слѣдуетъ выдѣлить еще небольшіе очерки изъ быта животныхъ (напр., «Воробы, Зайцы и Волки», «Какъ волки дѣтей своихъ учать»), да еще нѣсколько очерковъ изъ простонароднаго и дѣтскаго быта, напр., «Самокрутка», «Какъ я выучился верхомъ Ѣздить» и т. п. Все остальное, и по отношенію къ выбору и по отношенію къ изложению, никакъ не можетъ быть названо достойнымъ имени и манеры графа Л. Толстого. По отношенію къ выбору, мы видимъ множество разсказовъ, въ которыхъ постоянную, выдающуюся роль играетъ слѣпой случай, тотъ фатализмъ, который всегда оказывался слабою стороной всѣхъ произведеній графа Л. Толстого, и здѣсь доведенъ до смѣшныхъ крайностей. Вотъ, напр., что разсказывается на стр. 70 (часть IV), подъ заглавіемъ *Черемуха*.

Въ саду росла черемуха, «развилистая, кудрявая, вся осыпанная яркимъ, бѣлымъ, душистымъ цвѣтомъ. Долго думалъ я—рубить или не рубить ее; мнѣ жаль было. Я бы и не срубилъ ее, да одинъ изъ работниковъ безъ меня началъ рубить ее. «Нечего дѣлать, видно судьба»—подумалъ я, взялъ самъ топоръ и началъ рубить вмѣстѣ съ мужикомъ», — и все это дѣлалось, несмотря на то, что когда дерево было срублено, «мнѣ такъ было жалко, что я

поскорѣе отошелъ къ другимъ рабочимъ», но иначе нельзя было, «видно ужъ судьба». Рядомъ съ этимъ рассказомъ нѣсколько эпизодовъ спасенія отъ угрожавшей опасности и отъ смерти, напоминающіе «Тысячу и одну ночь», и не имѣющихъ ничего общаго съ живою дѣйствительностью, (напримѣръ, «Акула», «Прыжокъ», «Дѣвочка и Грибы»). За этими рассказами слѣдуетъ масса басенъ и назидательныхъ притчей, которая графъ Л. Толстой предлагаетъ читать не просто, а съ обращеніемъ особеннаго вниманія на выводъ, который по понятіямъ учениковъ, вытекаетъ изъ басни» (I, 173). Нельзя не замѣтить, что по отношенію ко многимъ баснямъ это упражненіе оказывается невозможнымъ, потому что въ нихъ нѣть даже никакой основной мысли; напримѣръ, «хорекъ зашелъ къ мѣднику и сталъ лизать подпилокъ. Изъ языка пошла кровь, а хорекъ раздавался, лизалъ, — думалъ, что изъ желѣза идетъ кровь, и погубилъ весь языкъ». Или еще: «Левъ услыхалъ — лягушка громко квакаетъ, и подумалъ, что большой звѣрь кричитъ. Онъ подождалъ немного, видѣть — вышла лягушка изъ болота. Левъ раздавилъ ее лапой и сказалъ: «Глядѣть не на что, а я испугался».

Если-бъ мы думали писать подробный разборъ «Азбуки», намъ бы, конечно, слѣдовало обратить прежде всего вниманіе на отдѣль церковно-славянскаго чтенія, въ которомъ все отрывки снабжены подстрочнымъ переводомъ; графъ Л. Толстой старался придать ему какъ можно болѣе близости съ подлинникомъ, и — увы! показалъ при этомъ, что его знанія въ церковно-славянской грамматикѣ болѣе, чѣмъ ограничены *). Слѣдовало бы, конечно, сказать и нѣсколько словъ объ отдѣль ариѳметическомъ, въ которомъ съ первыхъ шаговъ графъ Л. Толстой предлагаетъ ученикамъ счисленіе до миллионовъ и, въ видѣ упражненія, даетъ задачи, состоящія въ томъ, что выкладки со счетовъ записываются сначала славянскими буквами, а потомъ славянскія буквы

*) Просимъ обратить вниманіе на правила для перевода съ церковно-славянскаго языка на русскій, которыхъ графъ Л. Толстой предлагаетъ преподавать ученикамъ (I, 176—7).

переводятся римскими или арабскими цифрами... Но мы это предоставляемъ специалистамъ, которые, вѣроятно, обратятъ вниманіе на эти стороны «Азбуки» графа Л. Толстого, и въ свою очередь выскажутъ о нихъ свое мнѣніе печатно. Мы же, съ своей стороны, можемъ добавить ко всему, что высказано нами, только то, что впечатлѣніе, производимое «Азбукой», оказывается особенно непріятнымъ вотъ въ какомъ смыслѣ: видишь, что авторъ не только пренебрегаетъ всѣмъ, что успѣла выработать за послѣднее время педагогія, но даже относится съ нѣкоторымъ снисходительнымъ сожалѣніемъ къ тѣмъ, которые этою наукой занимаются... Ему хочется создать какую-то свою, новую методу, въ которой первую роль должно играть «не знаніе, не искусство учителя, а его любовь къ ученику и къ дѣлу преподаванія» (ст. I, 185). Онъ горячо принимается за дѣло, собираетъ, громоздить материалъ, строить, составлять, стараясь во чтобы то ни стало построить и составить совсѣмъ не такъ, какъ строили до него — и въ результатѣ выходить какая-то дѣйствительно довольно-оригинальная смѣсь материала, но только не имѣющаго ничего общаго ни съ какою постройкой.

Вникая во всѣ частности «Азбуки» графа Толстого, можно только пожалѣть, что талантливый авторъ столькихъ прекрасныхъ произведеній, которыми русская литература имѣеть полное право гордиться, затрачиваетъ свои силы на составленіе подобной «Азбуки», вѣроятно, не мало отнявшей у него времени и едва ли годной для нашихъ школъ.

II. Полевой.

* * *

*) Графъ Л. Н. Толстой, кроме громкой известности въ мірѣ литературы, приобрѣлъ известность и въ мірѣ педагогіи — какъ педагогъ-теоретикъ журналомъ «Ясная Поляна» и какъ педагогъ-практикъ — своей яснополянской школой.

*) „Недѣля“ 1872 г., № 39—40, стр. 1160—1161. Азбука гр. Л. Н. Толстого, въ четырехъ книгахъ, цѣна каждой книги 50 к.

лой. Въ настоящей своей «Азбукѣ» графъ Л. Н. Толстой оказался врагомъ всякой исключительности при обученіи чтенію: отдавая преиму ществометоду слово-слагательному, т.-е. прежнимъ складамъ, онъ допускалъ звуковой, хотя съ оговоркой относительно неудобствъ послѣдняго. По мнѣнію графа Толстого, звуковой методъ не устраниетъ для ученика необходимости откидывать при складахъ излишній звукъ, такъ какъ въ русскихъ согласныхъ постоянно слышится сочетаніе или твердаго или мягкаго звука *г* или *ъ*. Но затрудненіе это легко превозмогается на практикѣ, между тѣмъ, какъ склады «Азбуки» графа Толстого, не представляя никакого смысла, даютъ одно механическое упражненіе дѣтской памяти, не давая никакого упражненія уму; и къ довершенію всего многіе изъ нихъ представляютъ самыя неестественные сочетанія буквъ. Было бы несравненно лучше, еслибы графъ Л. Н. Толстой, выкинувъ азбуку, далъ только книгу для первоначального чтенія. Рассказы, вообще говоря, написаны очень живо и просто; нѣть наводящихъ тошноту пережевываній о разныхъ вещахъ, которыя мало-мальски смысленный ребенокъ узнаеть самъ собой и безъ этихъ пережевываній, которыми доморощенные педагоги наши пересаживаютъ на русскую почву несталлоціевскій и фребелевскій методъ. Жаль, что иногда попадаются разсказы, бывшіе въ допотопныхъ азбукахъ, и басни, въ которыхъ дѣтямъ доступна только внѣшняя сторона. Для педагоговъ, понимающихъ реальное направленіе исключительно въ смыслѣ пропитыванія дѣтского ума исключительно естественно научными свѣдѣніями, есть разсказы, знакомящіе ребенка съ нѣкоторыми законами природы; но Л. Н. Толстой врагъ такой односторонности; онъ совершенно справедливо находитъ, что рядомъ съ умственнымъ развитіемъ должно итти и нравственное, и для того дѣтямъ необходимо прививать поэтическій элементъ. Но съ своей стороны, онъ впадаетъ въ другого рода исключительность, напр.: когда говоря: «По космографіи избѣгайте сообщенія ученику (столь любимаго въ педагогіи) солнечной системы и вращенія и обращенія земли. Для ученика, ни-

чего не знающаго о видимомъ движениі небеснаго свода, солнца, луны, планетъ, о затменіяхъ, о наблюденіяхъ тѣхъ же явлений съ различныхъ точекъ земли, — толкованіе о томъ, что земля вертится и бѣгаетъ, не есть развязка вопроса и объясненіе, а есть безъ всякой необходимости навязываемая безсмыслица. Ученикъ, полагающій, что земля стоитъ на водѣ и рыбахъ, судить гораздо здравѣе (?), чѣмъ тотъ, который вѣрить, что земля вертится и не умѣеть этого понять и объяснить. Какъ предостереженіе противъ страсти иѣкоторыхъ педагоговъ набивать голову ребенка научными фактами, прежде чѣмъ у самого ребенка возникнетъ вопросъ относительно тѣхъ жизненныхъ явлений, на которыхъ эти факты служатъ отвѣтомъ, выписанный нами совѣтъ гр. Толстого имѣеть иѣкоторый смыслъ. Но и съ этой точки зрѣнія нельзя не сознаться, что формулованъ этотъ совѣтъ крайне неудачно.

Ясно, что ребенокъ, у котораго сложилось представлѣніе о «рыбахъ» поддерживающихъ землю, уже задумывался по своему надъ вопросомъ о положеніи земли среди вселенной, и мы решительно не понимаемъ, почему бы ему не дать надлежащаго отвѣта на этотъ вопросъ. Объяснить двойное движение земли вокругъ своей оси и солнца вовсе не такъ трудно, даже и ребенку. Правда, при этомъ придется ограничиться довольно грубымъ, элементарнымъ изложеніемъ факта, но это, какъ намъ кажется, неизбѣжное условіе при передачѣ всевозможныхъ свѣдѣній; преподаваніе иначе и не можетъ итти, какъ концентрическими, постепенно расширяющимися кругами, и если каждый разъ останавливаться предъ опасеніемъ, что наши объясненія не могутъ передать ребенку того или другого понятія во всей его полнотѣ, то пришлось бы вовсе отказаться отъ передачи какихъ бы то ни было свѣдѣній, такъ какъ явлений самыя простыя, самыя доступныя, повидимому, пониманію ребенка предполагаютъ массу сложныхъ законовъ, недоступныхъ дѣтскому пониманію. Тутъ все дѣло въ тактѣ педагога, въ умѣніи отвѣтить на вопросъ, когда это нужно и на сколько это нужно, т.-е. насколько это можетъ быть усвоено

ребенкомъ. Другимъ элементомъ, который гр. Толстой считаетъ необходимымъ прививать дѣтямъ, является элементъ народности; съ этой цѣлью онъ снабдилъ свою азбуку выписками изъ Несторовой лѣтописи на славянскомъ языке съ русскимъ переводомъ. Но едва ли дѣти изъ чтенія этихъ сказаний вынесутъ что-нибудь кромѣ скуки; для дѣтей же народа, кромѣ того, при томъ короткомъ срокѣ, который отмѣренъ имъ жизнью для образованія, нужно сообщать свѣдѣнія, приносящія болѣе прямой пользы, нежели умѣніе цѣнить красоты Несторовской лѣтописи. Гр. Толстой сдѣлалъ бы лучше, еслибы отдельно издалъ славянскую азбуку съ славянскими образцами для чтенія, это значительно удешевило-бы изданіе, которое стоитъ теперь 2 р., если купить всѣ четыре книжки.

Изъ „Недѣли“ за 1872 г.

* * *

) Врядъ ли кто станетъ въ настоящее время отрицать, что однимъ изъ важныхъ пособій при начальномъ школьному обученіи служить книга для чтенія. Въ рукахъ хорошо приготовленного учителя, толково, педагогически составленная книга для чтенія является могущественнымъ орудіемъ для осуществленія задачи начальной школы, которая кладетъ фундаментъ всему дальнѣйшему образованію и развитію учащагося. Вотъ почему составленіе книги для чтенія при первоначальномъ обученіи дѣло вовсе не столь легкое, какъ это можетъ показаться съ первого взгляда. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить между прочимъ и то обстоятельство, что изъ массы книгъ для чтенія (*Lesebücher*), существующихъ въ германскихъ школахъ, не очень многія вполнѣ удовлетворяютъ своему назначению, несмотря на то, что надъ составленіемъ такихъ книгъ трудились лучшіе нѣмецкіе педагоги.

Что касается нашей начальной школы, то она, несмотря

^{*)} „Семья и Школа“ 1873 г., № 2. Азбука графа Л. Н. Толстого. Четыре тома. Спб., 1872 г., in 8°. Статья А. Николича.

на обиліє ежегодно появляючихся у нась книгъ для чтенія подъ различными наименованіями, все-таки очень бѣдна пособіями этого рода. «Дѣтскій Міръ» Ушинского, «Книга для чтенія» — Паульсона и въ послѣднее время изданная г. Водовозовымъ «Книга для первоначального чтенія въ народныхъ школахъ» — вотъ все, что представляеть болѣе или менѣе капитального по этой части наша учебная литература.

Труды гг. Д. Семенова, барона Корфа и друг. хотя и имѣютъ нѣкоторыя преимущества предъ изданіями прочихъ составителей книгъ для начального обученія, но все-таки, собственно говоря, не пошли далѣе, во всякомъ случаѣ, слабаго подражанія Ушинскому и не внесли въ нашу начальную школу ничего новаго.

Мы однако далеки отъ того, чтобы считать книгу Ушинского вполнѣ образцовою и чуждою всякихъ недостатковъ; напротивъ, мы признаемъ за нею недостатки, изъ числа которыхъ особенно видное мѣсто занимаетъ ся одностороннее направлениe; но хотимъ лишь указать, что честь составленія первой книги для чтенія, основанной на здравыхъ педагогическихъ началахъ, принадлежить все-таки Ушинскому, дальше котораго мы не пошли до послѣдняго времени, т. е. до появленія упомянутаго уже нами труда г. Водовозова, въ которомъ авторъ, какъ опытный педагогъ-практикъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и явился вполнѣ самостоятельнымъ.

Весьма естественно, что при такой бѣдности въ нашей учебной литературѣ хорошо составленныхъ книгъ для чтенія, появление всякой новинки въ этомъ родѣ встрѣчается съ особеннымъ любопытствомъ и интересомъ всѣми, кому близки интересы нашей народной школы, а еще болѣе тѣми, кому выпало на долю трудиться на этомъ поприщѣ и ежеминутно, такъ сказать, испытывать недостатокъ въ хорошей, педагогически-составленной книгѣ для начального обучения. Интересъ и любопытство особенно возрастаютъ, когда составителями такихъ книгъ являются лица, отъ которыхъ начальная школа вправѣ ожидать чего-либо самостоятельного и хорошаго.

Вотъ почему заявленный въ газетахъ года полтора тому назадъ слухъ о томъ, что графъ Л. Н. Толстой занять составленіемъ русской азбуки, при которой будетъ приложена и книга для чтенія—особенно заинтересовалъ публику.

Съ одной стороны, громкая литературная извѣстность, которую столь заслужено пользуется авторъ «Дѣтства и Отрочества», съ другой—его педагогическая дѣятельность, въ которой онъ заявилъ себя если не вполнѣ компетентнымъ въ дѣлѣ педагогіи, то во всякомъ случаѣ человѣкомъ искренно и безкорыстно преданнымъ этому дѣлу—все это давало основаніе предположить, что графъ Толстой подарить русскую начальную школу дѣйствительно полезною книгою; въ этомъ предположеніи многихъ поддерживало еще и то обстоятельство, что почтенный авторъ какъ-то быстро исчезъ съ своего педагогического поприща, которое было весьма кратковременно; намъ думалось, что онъ позналъ, такъ сказать, свою неподготовленность къ этой дѣятельности, для которой недостаточно одной любви и искренности, но необходима еще и извѣстная педагогическая эрудиція, на недостатокъ которой было ему указано своеевременно беспристрастною критикою; намъ думалось, говоримъ, что графъ Толстой въ десятилѣтній перерывъ своей дѣятельности занялся именно этой подготовкой, и являясь снова на этомъ поприщѣ, несомнѣнно на этотъ разъ выступить свободнымъ отъ тѣхъ педагогическихъ взглядовъ, несостоятельность которыхъ была ему указана.

Насколько всѣ эти ожиданія и предположенія оказались основательными показываетъ появившаяся въ концѣ прошлаго года книга графа Толстого, заглавіе которой мы выписали въ началѣ нашей статьи. Четыре тома его «Азбуки», (каждый приблизительно листовъ около 12-ти), собственно говоря, не составляютъ того, что обыкновенно принято понимать подъ книгою этого наименованія; напротивъ, они обнимаютъ собою всѣ предметы, входящіе въ кругъ элементарного школьнаго обученія, а именно: чтеніе, письмо, начальную грамматику и счетъ, и кромѣ того представляютъ книгу для класснаго и домашняго чтенія.

Отсутствие предисловія и вообще какихъ-либо указаній со стороны автора на цѣль своего труда, значительно усложняютъ задачу рецензента, лишая его возможности опредѣлить точку отправленія автора. Для кого именно, для дѣтей какой среды онъ предназначалъ свою азбуку, остается совершенно неразъясненнымъ, и въ этомъ отношеніи приходится итти ощупью, дѣлать различныя предположенія, основываясь на тѣхъ или другихъ признакахъ его труда. Само собою разумѣется, что выборъ и расположение материала въ книгѣ для чтенія играетъ въ этомъ случаѣ важную роль. Судя по этому признаку, можно предположить, что авторъ имѣлъ въ виду начальную *народную* школу; но въ то же время объемъ книги и обусловленная имъ цѣна ея (2 р. сер.) въ связи съ той массой славянского текста (о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ) даютъ поводъ думать, что авторъ вовсе не предназначалъ своей книги для школьнаго обучения, а скорѣе для домашняго.

Каждая книга «Азбуки» раздѣлена на три части, кромѣ первой, въ которую введена еще одна особая (1-ая) часть, посвященная собственно азбукѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Изъ остальныхъ затѣмъ частей каждой книги, одна посвящена обученію счету и двѣ составляютъ собственно книгу для чтенія. Каждый томъ, кромѣ того, снабженъ примѣчаніями для учителя, въ которыхъ авторъ дѣлаетъ нѣкоторая методическія указанія и даетъ совѣты, какъ пользоваться его книгою. Эти указанія имѣютъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что знакомятъ нась съ педагогическими взглядами автора и служатъ въ то же время не малымъ подспорьемъ при оцѣнкѣ всего его труда. Поэтому мы и начнемъ свой обзоръ именно съ этихъ указаній. Но предварительно два слова о самой азбукѣ.

Занимая 60 страницъ первой книги, она заключаетъ въ себѣ слѣдующія четыре части: изображеніе буквъ, склады, упражненія въ соединеніи складовъ и упражненія въ произношеніи. Изображенія буквъ сопровождаются соответственными рисунками, которые, по выполнению своему, напоминаютъ изданія доброго старого времени (и до нынѣ,

впрочемъ, не перестающія появляться) съ неизбѣжнымъ подъ буквою А арбузомъ, похожимъ на все, что угодно, кромъ арбуза, и такимъ же дровосѣкомъ подъ буквою Д. Не обошелся и графъ Толстой безъ подобныхъ рисунковъ, крайне плохое выполненіе которыхъ не отвѣчаетъ виѣшней сторонѣ всего изданія, весьма удовлетворительного въ типографскомъ отношеніи. Но главное, конечно, не въ этихъ рисункахъ, а въ томъ методѣ, которому авторъ рекомендуется слѣдовать при обученіи чтенію по его азбукѣ. Здѣсь авторъ является положительно реакціонеромъ всего того, что выработала въ этомъ отношеніи современная педагогика, и обнаруживаетъ нѣкоторое къ ней даже прежнее высокомѣрное отношеніе. Такъ, напр., установившійся уже въ нашихъ школахъ звуковой методъ обученія чтенію авторъ совершенно отвергаетъ, и взамѣнъ его предлагаетъ изобрѣтенный имъ способъ, который состоитъ въ слѣдующемъ:

«Пишите мѣломъ на доскѣ», говоритъ графъ Толстой, «или вѣшайте на стѣнѣ изображеніе буквъ въ самыхъ большихъ размѣрахъ, такія, въ которыхъ была бы удержана только сущность фигуры каждой буквы, и потомъ спрашивайте.

«Не стирайте и не снимайте буквъ, а постарайтесь найти мѣсто, чтобы всѣ буквы вмѣстѣ были бы видны ученику: это облегчаетъ запоминаніе. Называйте согласные буквы всѣ безъ исключенія — ихъ звукомъ съ присоединеніемъ гласной *e*; т. е. *бе*, *ве*, *ie*, *de* и т. д. и м называйте не эмъ, а *me*; *r* не эръ, а *re*; *f* не эфъ, а *fe* и т. д. Послѣ того, какъ ученики стали узнавать изображенія буквъ и называть ихъ, заставляйте ихъ писать буквы. При писаныи не требуйте правильности въ изображеніи, а заботьтесь только о томъ, чтобы ученикъ выражалъ смыслъ сочетаній линій между собою, такъ чтобы видно было отличіе одной буквы отъ другой.

«Въ особенности избѣгайте требованія правильности изображенія, зависящей отъ руки, а не отъ головы ребенка. Памятливый ученикъ», заключаетъ, авторъ, «выучить этимъ способомъ всѣ буквы въ одинъ урокъ (стр. 168, кн. 1-я).

Мы нарочно выписали всѣ указанія графа Толстого, чтобы показать въ цѣломъ его систему обученія чтенію, которая идетъ въ разрѣзъ съ звуковымъ методомъ. Авторъ прямо на это и указываетъ. «По новому способу, говорить онъ, буквы называются: бѣ, вѣ, гѣ и т. д. и при складахъ научаютъ прямо соединять согласный звукъ съ гласнымъ, предполагая, что бѣ есть согласный звукъ»...

«Этимъ способомъ, продолжаетъ онъ, ничего не выигрываю при складахъ и только путая ученика, очень много теряютъ при заучиваніи буквъ». Простѣйшій же способъ заучиванія буквъ, по мнѣнію автора, слѣдующій: «заставьте, говорить онъ, ученика *на слухъ*, *безъ книги* складывать слоги, оканчивающіеся гласною; говорите *бе—ре—а—бра*; *де—ре—у—дру* и т. д.». Ученикъ очень скоро привыкаетъ на слухъ откидывать ненужную гласную *е*.

Затѣмъ авторъ рекомендуетъ переходить къ чтенію и письму подъ диктовку, при чемъ однако строго наказываетъ при письмѣ не стѣснять ученика требованіемъ правильности; «пускай его пишеть», говоритъ онъ, „*малако фсатъ*, вмѣсто молоко, въ садъ и т. п...»

Вотъ вся сущность метода обучения чтенію и письму, предлагаемаго графомъ Толстымъ. Онъ его считаетъ настолько рациональнымъ и быстро ведущимъ къ цѣли, что непосредственно послѣ того, какъ ученики едва ознакомились съ складами и далеко еще не достигли правильности изображенія буквъ, уже рекомендуетъ упражнять ихъ въ «*писаніи сочиненій* изъ головы на заданную тему».

Не трудно замѣтить, что метода графа Толстого есть не что иное, какъ видоизмѣненіе буквенной системы, которая, въ настоящее время, уже совершенно основательно отвергнута, какъ несостоятельная и наименѣе ведущая къ цѣли; это та же система азовъ, т. е. заучиванія наименованій виѣшнихъ изображеній звуковъ, несоответствующихъ въ дѣйствительности самому звуку. Отличие буквенной системы отъ системы графа Толстого состоить въ томъ, что онъ иѣсколько упрощаетъ первую, а именно, вмѣсто смѣшаннаго присоединенія звуковъ гласныхъ съ

согласными для наименования известной буквы, онъ рекомендуетъ присоединить къ каждому согласному звуку гласный *e*: звукъ *p* онъ называетъ не *эрѣ* и не *рцы*, а *ре*, *f* не *эфѣ* и не *фертѣ*, а *фе* и т. д.

Но измѣняется-ли отъ этого сущность системы? Ни мало. Что же касается буквенной системы, собственно говоря, не заслуживающей даже наименования метода, то давно уже дознано, что действительное образование слова изъ буквенныхъ названий невозможно; какъ *рцы*, *у*, *како*, *азъ*, или *ер*, *у*, *ка*, *а*, такъ тоже и *ре*, *у*, *ке*, *а* — не составлять слово *рука*. Система присоединенія къ каждому согласному звуку гласнаго *e* можетъ однако довести учащагося до совершенно неправильнаго письма, такъ, напр., ребенокъ, привыкнувъ къ такому присоединенію звуковъ, очень легко можетъ впадать при письмѣ въ слѣдующія ошибки: слова — осенней, семей, дѣтей и пр. онъ будетъ вправѣ изобразить такъ: осий, смй, дтй, такъ какъ съ начертаніемъ буквъ *c*, *m*, и пр. у него связывается звукъ *се*—*ме*.

Такимъ образомъ, повторяемъ, методъ графа Толстого ни мало не отличается отъ буквенной системы, по которой если и выучивались читать, то только потому, что вслѣдствіе частаго повторенія словъ дѣти заучивали ихъ наизусть или же мало-по-малу безъ всякой помощи буквъ сами привыкли различать звуки, при чёмъ самое название буквъ, конечно, только задерживало дѣло, а никакъ ему не помогало. Мы совершенно согласны съ авторомъ, что знакомство съ видимыми знаками звуковъ должно слѣдовать непосредственно за тѣмъ, какъ дѣти станутъ различать самые звуки, но только при этомъ названія буквъ должны совершенно игнорироваться, и только, когда дѣти станутъ читать, тогда можетъ имѣть мѣсто знакомство съ названіемъ буквъ и только для того, чтобы въ многолюдныхъ классахъ облегчить упражненія въ орѳографіи. У графа Толстого это идетъ наоборотъ; усвоеніе названий буквъ предшествуетъ усвоенію учащимися самого звука, соотвѣтствующаго известному начертанію, вслѣдствіе чего приобрѣтается ложное понятіе о томъ или другомъ звукѣ, связан-

номъ съ извѣстною буквою, и, конечно, медленно дается механическое чтеніе, а еще болѣе вредить это, какъ мы уже указали выше, правильности письма, что предполагаетъ и самъ авторъ, не считая впрочемъ это особенно важнымъ.

«Не бѣда, говорить онъ, если ученикъ напишетъ «фасть», вместо «въ садъ» и т. д. Не думаемъ, чтобы отъ этого не произошло бѣды; напротивъ, бѣда послѣдуетъ неминучая, и долго придется работать надъ такимъ ученикомъ, чтобы отучить его отъ всѣхъ неправильностей при чтеніи и письмѣ, неизбѣжныхъ послѣствій отъ примѣненія такого метода.

Прежде нежели мы покончимъ собственно съ азбукою графа Толстого и его методомъ, скажемъ еще иѣсколько словъ относительно тѣхъ общихъ замѣчаній для учителя, которые онъ помѣстилъ въ концѣ первой части своей книги и въ которыхъ высказывается его, такъ сказать, педагогическое *profession de foi*.

Здѣсь авторъ ставить свои требованія отъ учителя и выясняетъ тѣ условия, которыя, по его мнѣнію, необходимы для того, чтобы ученикъ учился хорошо и охотно.

Для достиженія послѣдняго, по его мнѣнію, нужно:

1) Чтобы то, чему учать ученика, было понятно и занимательно, и

2) чтобы душевныя силы его были въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

Все это кажется автору легко достичимо, стоитъ только по космографіи избѣгать сообщенія ученику объясненія (столь любимаго въ педагогіи) солнечной системы и вращенія и обращенія земли. Для ученика, говорить онъ, ничего не знающаго о видимомъ движеніи небеснаго свода, солнца, луны, планетъ, о затменіяхъ, толковать о томъ, что земля вертится и бѣгаєтъ (?) не есть развязка вопроса и объясненіе, а есть безъ всякой необходимости навязываемая безмыслица. Ученикъ, полагающій, что земля стоитъ на водѣ и рыбахъ, судить гораздо здравѣе, чѣмъ тотъ, кото-

рый вѣрить, что земля вертится, и не умѣеть этого понять и объяснить (стр. 180—181).

Нельзя не видѣть въ этихъ указаніяхъ графа Толстого нѣкоторыхъ преувеличеній и большой доли увлечения; желая совершенно основательно оградить начальную школу отъ несвоевременного сообщенія учащимся такихъ свѣдѣній, которые превышаютъ степень ихъ умственнаго развитія, авторъ впадаетъ въ крайность и совѣтуетъ оставлять лучше ребенка въ томъ заблужденіи, что земля покоятся на рыбахъ, нежели сказать ему, что земля вертится (мы недоумѣваемъ, что авторъ разумѣеть подъ выражениемъ земля бѣгаетъ) на томъ основаніи, что этого послѣдняго ребенокъ не пойметъ. Очевидный абсурдъ. Отчего же авторъ признаетъ ребенка способнымъ понять безмыслицу относительно рыбъ, и не признаетъ возможнымъ, чтобы онъ понялъ истину о вращеніи земли? Гораздо естественнѣе предположить, что онъ не пойметъ и первого (такъ какъ врядъ ли кто возьмется ему объяснить это), а приметъ, конечно, на вѣру. Въ такомъ случаѣ не лучше-ли, чтобы онъ *вѣрилъ* въ дѣйствительность, нежели въ безмыслицу.

Въ заключеніе своихъ указаний авторъ выскаживаетъ, какими качествами долженъ обладать учитель для того, чтобы достигнуть успѣха и быть совершеннымъ учителемъ. «Если учитель, говоритъ онъ, положилъ и всѣ свои силы на свое дѣло, то все-таки онъ не только со многими учениками, но и съ однимъ ученикомъ будетъ чувствовать, что онъ далеко не исполняетъ всего того, что нужно». Для того, чтобы имѣть сознаніе приносимой пользы, нужно, воскликнѣаетъ авторъ, имѣть одно качество—любовь. Если учитель, продолжаетъ онъ, имѣеть любовь къ ученику, какъ отецъ, мать, онъ будетъ лучше того учителя, который прочелъ всѣ книги и т. д.

Таковы педагогическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого, котораго мы не можемъ, конечно, упрекнуть въ недостаткѣ любви къ дѣлу, ибо онъ служить ему такъ безкорыстно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ однакоже согласиться съ его педагогическими теоріями. Было бы излишне, кажется,

послѣ приведенныхъ нами выписокъ изъ его «указаний для учителя» дѣлать къ нимъ какія-либо еще комментаріи. Вполнѣ достаточно указать, что одной любви, безъ знанія дѣла — недостаточно для успѣха; несомнѣнно, что любовь къ дѣлу, любовь къ дѣтямъ служить весьма существенными задатками для образованія хорошаго учителя; но нельзя же въ самомъ дѣлѣ исключительно на одной любви строить весь успѣхъ преподаванія.

Мы поканчиваемъ здѣсь съ воззрѣніями графа Толстого, предоставляя самому читателю поразмыслить о томъ, на сколько они основательны и педагогичны, и переходимъ къ разсмотрѣнію его книги для чтенія.

Весь матеріалъ въ книгѣ для чтенія систематически расположены авторомъ по слѣдующимъ тремъ отдѣламъ: 1) басни, сказки, небольшіе разсказы, оригинальные и заимствованные; 2) статьи историческаго содержанія и 3) статьи изъ области естествознанія.

Если принять во вниманіе, что въ каждой книгѣ изъ 160 страницъ отведено 30 стр. на изложеніе ариѳметическихъ правилъ, 60 стр. на славянскій текстъ Несторовой лѣтописи, четыри минеи и Евангелія, то окажется, что матеріалъ собственно для чтенія по каждому изъ трехъ поименованныхъ отдѣловъ не особенно великъ, во всякомъ случаѣ бѣднѣе отдѣла славянскаго чтенія, которое получило въ особенности широкое развитіе въ книгѣ. Видно, что изученію славянскаго языка авторъ придаетъ особенно важное значеніе въ начальномъ обученіи; изъ примѣчаній для учителя видно, что онъ находитъ необходимымъ, чтобы дѣти изучали его параллельно съ русскимъ и притомъ изучали бы не одинъ церковно-славянскій языкъ, языкъ Евангелія, но и древне-русскій. Въ виду какихъ цѣлей онъ настаиваетъ на этомъ — неизвѣстно. Здѣсь невозможно даже дѣлать какихъ-либо предположеній, такъ какъ указанія автора не идутъ дальше показанія легкости изученія славянскаго языка; онъ полагаетъ достаточнымъ сказать ученику, что въ славянскомъ языкѣ бываютъ обороты, которые чужды языку русскому (дательный самостоятельный пад.), затѣмъ,

что одно слово по славянски переводится двумя по русски и наоборотъ (!) и, наконецъ, что частица *и* употребляется по славянски тамъ, где ее нельзя ставить по русски. Нежели авторъ серьезно думаетъ, что въ этомъ заключается сущность изученія славянскаго языка (подразумѣвая и древне-русскій) и отличіе его отъ русскаго?—Если же онъ не имѣеть въ виду изученіе славянскаго языка (что впрочемъ сомнительно, такъ какъ онъ требуетъ изученія склоненій и спряженій), а желаетъ просто научить дѣтей читать церковно-славянскій текстъ, то въ такомъ случаѣ къ чему было помѣщать его въ такомъ количествѣ... Мы рѣшились не понимаемъ, насколько умѣстно въ книгу для начального обучения вводить изученіе славянскаго языка. Какой въ этомъ заключается практическій или педагогический смыслъ! По нашему мнѣнію, ознакомленіе учащихся съ славянскимъ языкомъ въ начальной школѣ можетъ имѣть мѣсто настолько, насколько это необходимо для уразумѣнія церковнаго богослуженія, хотя и въ этомъ случаѣ это не существенно важно, такъ какъ не только Св. Евангеліе, но и важнѣйшія общеупотребительнѣйшія молитвы уже переведены на русскій языкъ. Но во всякомъ случаѣ, введеніе нѣсколькихъ страницъ славянскаго текста въ книгу для чтенія исключительно съ этою цѣлью еще могло быть допущено, но ставить славянскій языкъ предметомъ изученія въ начальной школѣ для цѣлей лингвистическихъ или филологическихъ по меньшей мѣрѣ странно. Исключеніе изъ азбуки у Толстого славянскаго текста, занимающаго въ общей сложности 120 страницъ, несомнѣнно послужило бы въ пользу книги, такъ какъ, значительно сокративъ объемъ ея, дало бы возможность и цѣну за нее назначить дешевле.

Изъ остальныхъ отдѣловъ наименѣе широкое развитіе получиль отдѣлъ историческій; собственно говоря, рассказовъ историческаго содержанія почти вовсе не включено въ книгу: за исключеніемъ нѣсколькихъ коротенькихъ рассказовъ изъ Геродота и Плутарха да пяти былинъ, весь историческій матеріалъ сосредоточенъ въ славянскомъ текстѣ Несторовой лѣтописи. Очевидно, авторъ не признаетъ образова-

тельного значенія за историческимъ материаломъ, и считаетъ излишнимъ вводить въ книгу для чтенія статьи историческаго содержанія въ силу тѣхъ соображеній, что для ребенка не могутъ быть занимательны исторические разсказы, «когда онъ не вѣрить еще въ существованіе чего-нибудь за видимымъ горизонтомъ», хотя въ другомъ мѣстѣ своихъ объясненій авторъ нѣсколько противорѣчить себѣ, рекомендуя разсказывать дѣтямъ съ большою подробностью про тѣ события историческая, которыя хорошо известны учителю.

Гораздо богаче отдѣль басенъ, сказокъ, рассказовъ... Художественность и эпическая простота изложенія нѣкоторыхъ изъ статей этого отдѣла являются вполнѣ достойными пера талантливаго писателя и невольно наводятъ на мысль о томъ, какой превосходный материалъ для дѣтскаго чтенія могъ-бы дать авторъ въ своей книгѣ, если бы отрѣшился отъ тѣхъ педагогическихъ тенденцій, которыя онъ такъ упорно преслѣдуетъ, несмотря на совершенно искреннія и доброжелательныя указанія безпристрастной критики. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы можемъ указать на нѣсколько разсказовъ изъ книги, въ которыхъ сказалась могучая сила его литературнаго таланта. Между такими разсказами безспорно первое мѣсто занимаетъ «Охота пуще неволи»; затѣмъ слѣдуетъ: «Богъ правду видить, да не скоро скажетъ», «Какъ я выучился верхомъ Ѣздить», и еще съ десятокъ—не больше. Большинство остальныхъ отличаются вялостью изложенія, бѣдностью, а нѣкоторые и антипедагогичностью содержанія. Какъ на образецъ послѣднихъ, укажемъ на разсказъ подъ заглавіемъ: «Ужъ» (стр. 31, т. II). Вся фабула этого разсказа состоять въ слѣдующемъ: У старушки была дочь Маша. Маша вмѣстѣ съ своими подругами пошла на рѣку купаться. Оставивъ на берегу свою рубашку, она вошла въ воду; между тѣмъ изъ воды выползъ ужъ и расположился на ея рубашкѣ. Сколько Маша его ни гнала—онъ не уходилъ, а, напротивъ, заговоривъ человѣческимъ голосомъ, онъ повелъ къ ней такую рѣчу: «обѣщай выйти за меня замужъ --- я отдамъ рубашку». Маша дала слово, и черезъ нѣсколько дней къ ней въ из-

бушку приползли ужи и увлекли ее въ рѣку. По истечении нѣкотораго времени, однако, она возвратилась къ своей матери; пришла погостить уже съ двумя своими дѣтками—сыномъ и дочерью. Въ то время, когда Маша уснула въ избушкѣ у матери—эта послѣдняя пошла къ рѣкѣ, вызвала обманомъ ужа — Машинаго мужа — отрубила ему голову. Проснувшись, Маша съ дѣтками собрались домой, но увидя, какая участь постигла ея мужа, она поцѣловала дочь и сына, и сказала:

«Нѣть у васъ батюшки, не будетъ у васъ и матушки. Ты, дочка, будь птичкой, ласточкой, летай надъ водой; ты, сынокъ, будь соловейчикомъ, распѣвай по зарямъ; а я буду кукушечкой, буду куковать по убитому своему мужу». И они всѣ разлетѣлись въ разныя стороны.

Предоставляемъ читателямъ сказать, какой выводъ могутъ сдѣлать дѣти изъ этой фабулы, какую нравственную мысль они извлекутъ изъ нея? «Суженаго и конемъ не обѣдешь» или «Чему быть, тому не миновать». Покорность судьбы, вѣра въ слѣпой случай, фатализмъ—вотъ чѣмъ проникнуты почти всѣ разсказы, помѣщенные въ книгѣ графа Толстого. Авторъ, какъ видно, особенно щеголяетъ этою чертою своего направленія, сказавшеюся гораздо раньше и въ другихъ его произведеніяхъ (напр., Война и Миръ); онъ особенно рекомендуетъ заботиться о томъ, чтобы дѣти передавали не только самое содержаніе разсказовъ и басенъ, но и тотъ общій выводъ, который, по ихъ понятіямъ, вытекаетъ изъ нихъ (стр. 155, часть II). Но какой же въ самомъ дѣлѣ выводъ возможенъ изъ только что приведенного нами крайне фантастического разсказа. Мы отнюдь не возстаемъ противъ того, чтобы давать дѣтямъ разсказы, которые бы развивали дѣтское воображеніе и фантазію; но положительно заявляемъ себя противъ того, чтобы направлять эту фантазію въ ту сторону, въ какую направляетъ ее графъ Толстой, и развивать дѣтское воображеніе въ томъ направленіи, которое отнюдь не можетъ называться педагогическимъ. Тенденціозность содержанія большинства разсказовъ парализуетъ совершенно даже мастерское изложеніе автора,

его умѣнье разсказывать доступнымъ дѣтскому возрасту языкомъ, безъ всякихъ искусственныхъ подлаживаній къ ребяческому говору. Мы увѣрены, что если-бы не высока цѣна азбуки—то она, во всякомъ случаѣ, несмотря на указанные нами недостатки, имѣла бы ходъ въ нашихъ школахъ — именно ради той безыскусственности и свѣжести, которою вѣеть отъ тѣхъ, къ сожалѣнію, немногихъ разсказовъ, въ которыхъ авторъ бросаетъ свою тенденцію и является просто художникомъ.

A. Николичъ.

* * *

*) Имя графа Л. Н. Толстого пользуется почетною извѣстностью въ мірѣ педагогіи и въ практическомъ отдѣлѣ ея какъ основателя Яснополянской школы, которая, какъ одна изъ первыхъ школъ, открытыхъ въ то время, когда послѣ 19 февраля въ обществѣ проснулось сознаніе, что и народъ имѣеть право на человѣческую жизнь, обратила общее вниманіе. Этюю извѣстностью пользуется графъ Л. Н. Толстой и въ теоретическомъ мірѣ какъ редакторъ педагогического журнала «Ясная Поляна», гдѣ хотя и проводились многіе принципы, съ которыми невозможно согласиться, за то приводились и многіе здравые принципы, которые должны лечь въ основаніе каждой рациональной системы воспитанія, какъ домашняго, такъ и общественнаго. Это заставляетъ обратить особенное вниманіе на азбуку графа Л. Н. Толстого. Идеи, высказанныя составителемъ азбуки въ «Ясной Полянѣ» должны были приготовить къ тому, что мы находимъ въ его послѣднемъ изданіи. Графъ Л. Н. Толстой выказался положительно противъ звукового метода, находя его неестественнымъ на томъ основаніи, что собственно чистыхъ звуковъ, произносимыхъ самостоятельно, весьма немного — только гласные звуки; остальные же никогда не

*) „Дѣтскій Садъ“ 1873 г., № 1-й. Азбука графа Л. Н. Толстого. Книги I, II, III и IV, по 50 к. каждая. Статья К. Л.